

Предисловие

В жизни у Ярослава остро не хватало «подвигов и приключений» до тех пор, пока он не поехал на фестиваль военно-исторической реконструкции. Выехал, значит, он в XXI веке, а приехал в IX, да еще под Гнездово, которое здесь называли проще — Гнездом. И дороги назад больше не было.

Поняв, что влип, парень начал крутиться, пытаясь выжить и построить в этом пространственно-временном континууме свое казино с блек-джеком и похотливыми пуританками. Но это оказалось непросто, потому что сопротивление среды было колоссальным. Кто он такой, чтобы его слушаться? Впрочем, потихоньку дело сдвинулось с места. И вот уже спустя несколько лет Ярослав сумел с горем пополам построить крепость и собрать мало-мальски значимую дружину, а также организовать какой-никакой, а бизнес, основанный на ремесле. Но чем дальше он продвигался по шкале прогресса, тем больше перед ним появлялось трудностей. Куда более масштабных, чем ранее. И решение их оказывалось зачастую не таким очевидным, как хотелось бы.

Пытаясь укрепить свою власть, Ярослав был вынужден начать «ускорение» развития насквозь варварского общества округи. То есть заняться трансформа-

цией социума. Параллельно решая фундаментальные проблемы с продовольственным обеспечением растущего как на дрожжах городка. Ну и гоняя «ссаными тряпками» всех желающих позариться на честно нажитое имущество. Того же Рюрика прогнал вместе с остальными викингами. Разбил хазар. А потом побежал их спасать, отражая вторжение хорезмшаха с его союзниками. Просто для того, чтобы сохранить мир в степях Северного Причерноморья и покой на Днепре — важнейшей торговой артерии, без которой нашему герою пришлось бы очень туго.

А там ведь фоном шел еще и «византийский квест», в который его втянула Кассия из дома Сарантапехос. Она признала в Ярославе своего сына Василия, рожденного от покойного Василевса Феофила из Амореяского дома. Тем более что наш герой был действительно похож. И понеслось. Интрига на интриге. Одна страшнее другой. Что в итоге привело Ярослава не только к организации совместного с викингами военного похода на Александрию, но и получению им статуса соправителя Василевса — цезаря. Ради него этот титул выгнали из забвения.

Но и это еще не все. Оказавшись в крайне непростой эпохе, Ярослав с разбегу влетел в клубок сложнейших религиозных противоречий. Все дело в том, что, попытавшись разобраться со своим комплексом проблем, наш герой обратился к уже готовой франшизе — классической Римской империи. Само собой, не в чистом виде, а как к ядру... фундаменту... Что столкнуло его с интересами весьма влиятельных жрецов и организаций различных авраамических культов. И эта проблема только усугубилась после провозглашения Ярослава цезарем-соправителем. Ведь любая церковь всегда стремится только к власти и деньгам, а потому категорически не перебаривает покушения на свои права и имущество. Из-за чего в 866 году Па-

триарх Константинополя даже сумел созвать Вселенский собор для осуждения «ереси Василия», на который тот и заявился с толпой вооруженных мужчин.

Все перемешалось вокруг Ярослава. Каша из проблем и интриг стала такой всеобъемлющей, что наш герой уже и не знал, за что хвататься. Он-то поначалу из-за этого и не хотел лезть в Византию. Но оказалось, что Византия не гордая, и она сама пришла в гости да залезла в его жизнь по самые ягодицы. И не только Византия, но и халифат, викинги, латинские королевства и прочее, прочее, прочее.

С каждым днем вокруг Ярослава все сильнее и сильнее стягивалось кольцо проблем. Особенно все обострилось и усугубилось после того, как он провозгласил создание нового государства — *Romanum Universale Statum*, что означало — Римское универсальное государство. То есть RUS'и... эм... Руси в верхнем течении Днепра. А гнездо переименовал в Новый Рим. А потом на территории этого крошечного государства фактически утвердил свободу вероисповедания, ибо там ариане¹ с никейцами² «толкались попами» с иудеями и прочими. А те же жрицы Макоши держали госпиталь и «топили» за чистоту и гигиену,

¹ Несмотря на то что ариан осудили как ересь еще в IV веке, оно вполне себе существовало еще и в IX веке. Так, в это время на севере Италии и в Испании продолжали рукополагать арианских священников, а по берегам того же Днепра жили общины ариан из числа переселенцев, бежавших из Византии.

² С конца IV века до церковного раскола середины IX века никейский извод был доминирующим видом христианства. Впоследствии он раскололся на западный (латинский) извод, известный как католичество, и восточный (греческий) извод, известный как православие. Раскол их был обусловлен исключительно политико-экономическими причинами. Однако некая идеологическая дифференциация все же имела; так, западный извод никейского христианства впитал в себя компоненты арианства и германского язычества, а восточный — ислама и язычества греко-персидского толка.

в том числе в акушерстве. Что категорически обостряло стремительно нарастающий религиозный кризис политико-экономического толка...

Восемь лет пролетели как в тумане.

Спокойнее от этого не стало. Все выходило как в старой поговорке — сначала джинсы дырявые, а потом бриллианты мелкие. Каждый раз, решая проблему, Ярослав порождал минимум одну новую, но более высокого, глобального уровня. А то и две или более. Они множились, как головы гидры, вырастая целым пучком на месте одной отрубленной.

Справится ли он со всевозрастающим комом проблем? Сумеет ли выжить в борьбе со жрецами аврамических кульгов, вцепившимися зубами во власть и деньги? Устоит ли в хитросплетении смертельно опасных интриг? И главное — сумеет ли при этом сохранить нарождающуюся Русь?

Пролог

866 год, 2 декабря, Константинополь

Чего ты хочешь? — устало спросил Вардан у Ярослава.

— Я много чего хочу, — уклончиво ответил тот. А потом, многозначительно улыбнувшись, продолжил: — Не я собирал этот Собор. Но дать ему завершиться так, как было задумано, — по меньшей мере, безрассудно.

— Даже если ты сейчас заставишь их принять нужные тебе решения, то это ничего не поменяет. Они вернутся по домам и откажутся от своих слов, произнесенных здесь.

— Ты так думаешь?

— Я так думаю, — с нажимом произнес Патриарх Фотий вместо Василевса.

— Это очень оптимистично, — смешливо фыркнул Ярослав.

— Что именно?

— Так думать.

— Не понимаю, — покачал головой Фотий. — Ты ведь христианин. Крещен. Носишь крест. Ведь носишь же. Жену свою крестил. Почему же так упорен в своей борьбе с христианством? Я тебя просто не понимаю.

— Я борюсь не с христианством, друг мой, — устало улыбнувшись, произнес Ярослав. — Я бо-

рюсь с церковью. Ты же этого не различаешь, оттого и не понимаешь меня.

— А что не так с церковью? Зачем с ней бороться? — поинтересовался Фотий.

— Ты же был ученым мужем, мирским чиновником, одним из самых образованных людей во всей Империи. И ты не понимаешь?

— Не понимаю.

— Вот он — власть, — указал Ярослав на Вардана. — Настоящая власть на земле. Надеюсь, ты это не оспариваешь?

— Нет, разумеется.

— И другой на земле нет и быть не должно.

— Что ты этим хочешь сказать? — напрягся Фотий.

— То, что любая церковь, когда набирает достаточно силы, начинает бороться со светскими властями, стремясь занять их место и становясь самым страшным и опасным врагом державы. Вот как у мусульман вышло с их халифатом, в котором во главе державы стоит, по сути, жрец. Что-то хорошего из этого вышло? Нет. Одна кровь и бардак. Поэтому церковь должна быть слабой, если отстаивать интересы державы и людей. Ибо сильная церковь — хуже чумы египетской для всех окружающих. И единственный способ добиться этой слабости — сделать церковей много и непрерывно стравливать их друг с другом. Чтобы ни один из культов не устанавливал монополию на принесение на землю «божьей воли».

— Но Бог..

— При чем тут Бог? — перебил Фотия Ярослав.

— Как при чем? — удивился тот.

— Все сущее создано Всевышним. Так? И то, что тебе нравится, и то, что не нравится. И рай, и ад, и ангелы, и демоны, и люди, и животные, и даже змеи с пауками. Все создано им. Поэтому если он попустил

даже такую мысль в моей голове — на то его воля. А это значит что?

Фотий промолчал, остро стрельнув глазами в Ярослава.

— Молчишь? Правильно делаешь. Вера — от людей и для людей. Любая. Все ваши святые писания не более чем заумные байки, рассказанные людьми для людей.

— Это боговдохновенные писания! — аж взвизгнул Патриарх.

— Ты можешь это доказать?

— Что?!

— Ты говоришь, что Святое Писание боговдохновенно. Ты можешь это доказать? Ты можешь доказать, что эти тексты — не плод больной фантазии стариков? Нет? Ладно. Ну тогда, может быть, Всевышний подтвердит твои слова? Опять нет? Тогда зачем ты врешь?

— Я не вру! — воскликнул Фотий.

— Хорошо. Допустим, я могу представить то, что ты веришь в ту чушь, что мне только что сказал. Но тогда как быть с тем, что тебя считали одним из самых образованных людей Империи? Обманывали? Льстили? Или, приняв сан, ты потерял рассудок?

— А ты можешь доказать свои слова?!

— Друг мой, — улыбнулся Ярослав, — это слишком примитивный прием, достойный лишь юных, неопытных софистов. Нет смысла опровергать не доказанного. Это претит основам здравого смысла и любой самой элементарной логики.

Вновь наступила тишина. Фотий крайне раздраженно буравил взглядом Ярослава. А вот Вардан смотрел на своего сопровителя весьма заинтересованно.

— Друзья, давайте не будем ссориться по пустякам, — наконец произнес он, видя, что Патриарх хочет уже сказать какую-нибудь гадость.

— Это не пустяки! — воскликнул Фотий.

— Этот вопрос не стоит даже выеденного яйца, — все так же посмеиваясь глазами, возразил Василевс. — Василий уже доказал то, насколько остер его язык и стройна логика. В диспуте тебе его не одолеть.

— Но это ересь!

— А что не ересь в этом мире? — усмехнулся Ярослав. — Или ты, друг мой, настолько возгордился, что можешь утверждать, будто бы знаешь абсолютную истину, что доступна лишь Всевышнему? Если же нет, то любое твоё суждение лишь жалкая тень, искажающая истину. А потому — суть — ересь. Хуже того — ничем иным быть не может¹. В этом плане мне очень нравятся наши северные друзья. Они не забывают себе голову подобными глупостями. Они просто берут топор и идут отнимать то, что считают своим. Если у них получается, значит, бог на их стороне. Если нет — то нужно просто в следующий раз идти грабить кого-то еще.

— Кстати, — вновь опередив закипающего Фотия, влез Вардан. — Ты уже в курсе того, что заварили наши северные друзья?

— Пока очень смутно. Какие-то слухи до меня доходят, но не более.

— Василий, ты пустил козла в огород. Козлов. Целое стадо. Сначала они захватили Крит, выбив оттуда пиратов. Потом — Кипр, освободив его от мусульман. Но на этом они не остановились и атаковали Сицилию, заняв и ее. Мне пришлось подсуетиться, чтобы взять ситуацию под контроль. И теперь под моей рукой три вассальных графства, во главе которых стоят сыновья твоего дружка — Рагнара: Сигурд, Ивар и Хальфдан.

— Сам Рагнар на этом не успокоился?

¹ Вот здесь <http://odnako.org/blogs/edinstvenniy-bog-bolshe/> можно почитать статью Анатолия Вассермана про боговдохновенность.

— Нет, — улыбнулся Вардан. — Он сговорился с князем Болгарии и атаковал Антиохию, которую они довольно легко взяли. Разбили сирийскую армию халифа. Прошли до верховьев Тигра и начали свой поход на юг. Заняли и разграбили Самарру и осадили Багдад. Сам Багдад!

— Только осадили? — повел бровью Ярослав. — На Рагнара это не похоже.

— Багдад пал, а вместе с ним и Рагнар, а также князь Болгарии, оставив наследником годовалого сына моей племянницы.

— Интересно. Хм. Викинги уже оставили Багдад?

— Нет. И не собираются. Бьёрн остался править в Багдаде со своими людьми, приняв титул графа Междуречья и моего вассала. Графом Антиохии стал Убба, а графом Эдессы — Хвитсерк. Таким образом, все войско викингов, что ты привел, оказалось под моей рукой. Вернув Империи Крит, Кипр, Сицилию, Антиохию, Эдессу и Междуречье. А также поставив Болгарию на грань присоединения к империи. Это ли не торжество христианства?

— Никак нет, — улыбнулся Ярослав. — Это торжество не христианства, а триумф языческого севера, что вдохнул в ваши дряхлые тела немного жизни. Или ты не понял, что я всего лишь направил ярость севера на мир ислама. И тот не устоял.

— Он пошатнулся, а не рухнул, — возразил Василевс.

— Разве? А по мне, так он начал рассыпаться как колосс на глиняных ногах после первого серьезного испытания. Он ведь еще не укоренился в этих землях. Ислам еще нигде, кроме аравийской пустыни, не является доминирующей верой. Пока что он в основе своей лишь вера аристократов и воинов. А потому позиции его слишком шатки и ненадежны. Кстати, где сейчас халиф?

— В Иерусалиме. В окружении остатков своих верных войск. Он туда отошел из Багдада и соединился с Иудейской армией тюркских наемников.

— Хочешь, я возьму его для Империи? И вновь покажу слепым солнце. Ведь мои воины — язычники. Точно так же, как и викинги. Но для людей, одержимых верой, это все не будет ничего значить. Они ведь видят только то, что желают.

— Богохульник! — процедил Фотий.

— Следи за своим языком, — устало произнес Ярослав.

— А то что?

— А то я его отрежу.

— Ты не посмеешь!

— Почему? Что мне мешает не только его удалить из твоего рта, но и пустить под нож всех участников Собора и их гостей?

— Потому что мы несем слово Божье!

— И что?

— Слово Божье — это закон небес! Ты не посмеешь нас убивать! Или небеса отвернутся от тебя!

— Эти, с позволения сказать, «законы» объясняют, почему яблоко не может упасть в небо?

— Что? — не понял Фотий.

Ярослав же взял со стола яблоко и, вытянув его вперед перед собой, отпустил. Фрукт закономерно упал на пол.

— Видишь? Я не кидал его. Просто отпустил. И яблоко упало. Почему оно упало на землю, а не улетело в небо? Почему оно не осталось висеть в воздухе? Это объясняют твои писания? Если нет, то они не стоят и выеденного яйца. Ибо это не законы Всевышнего, которым подчиняется все сущее, а пустопорожняя болтовня.

— Ты опять оскорбляешь веру, — покачал головой Вардан.

— Нельзя оскорбить словами правды.

— Но у тебя получается.

— Я свое слово сказал. Для Империи иметь одну сильную церковь смертельно опасно. Церквей должно быть много, им надлежит быть слабыми и собачиться промеж себя. Один большой и могучий пес может загрызть, свора маленьких декоративных собачек — не только смогут развлечь, но и совершенно безобидны.

— Ты сказал, что возьмешь Иерусалим, — холодно процедил Фотий.

— Если я его возьму, то ты примешь мои слова?

— Нет.

— Тогда какой смысл мне тебе что-то доказывать? А, престарелый глупец?

— Я...

— Ты просто человек.

— Ты тоже.

— Только я этого не отрицаю, — кивнул Ярослав. — Ты хочешь, чтобы я пошел в Святую землю и освободил Иерусалим. Но ты разве не понимаешь, что это будет не Крестовый поход истинно верующих, во славу Господню идущих освобождать Гроб Господень. Нет. Это будет военный поход язычников, идущих за добычей. Поход, который покажет, что победу в войне дарует бог войны, а любовь — бог любви. И то, и другое — ипостаси Всевышнего. Его лики. Отражения. Проекции. Ибо истинную суть Всевышнего познать невозможно для столь несовершенных существ, как мы. Но суть не в этом. Суть в том, что если ты пойдешь на войну, ища поддержку у бога любви, то враг твой тебя возлюбит. Жестоко и противоестественно. Но этого ли ты жаждешь в сражениях? Молчишь? Это правильно. Как ты видишь — я не выступаю против христианства, иудаизма или ислама. Нет. Я против того безумия, что творят жрецы этих цер-